

*Посвящается женщинам Стамбула
и самому Стамбулу,
который всегда был и остается
городом женского рода*

И снова он немного опередил меня — теперь в расставании с этим странным миром. Но это не важно. Для нас — тех, кто верит в физику, — разделение на прошлое, настоящее и будущее имеет значение лишь как общепризнанная и неискоренимая иллюзия.

*Альберт Эйнштейн
о смерти своего ближайшего друга
Мишеля Бессо*

1. Босфорский мост
2. Улица борделей
3. Галатская башня
4. Синагога
5. Церковь Святого Антония
6. Улица Истикляль
7. Площадь Таксим
8. Отель «Интерконтиненталь»
9. Казанджи-Йокушу, улица
10. Золотой Рог
11. Кимсэсизлер-Мезарлыи, кладбище
12. Обитель дервишей Мевлеви/Суфи

Конец

Ее звали Лейла.

Текила Лейла — именно под этим именем ее знали друзья и клиенты. Текилой Лейлой ее называли дома и на работе — в здании цвета розового дерева, которое притаилось в мощеном тупичке у порта, между церковью и синагогой, среди ламповых лавочек и кебабных, в тупичке, приютившем старейшие лицензированные бордели Стамбула.

Однако если бы она услышала эти слова от вас, то запросто могла бы оскорбиться и швырнуть в вас туфлей — обычно она носила туфли на высоком каблукe.

— Меня зовут, дорогуша, а не звали... Меня зовут Текила Лейла.

Ни за что и никогда она не согласилась бы, чтобы о ней говорили в прошедшем времени. От одной только мысли об этом Лейла чувствовала себя маленькой и поверженной, но ощущать себя таковой ей хотелось меньше всего на свете. Нет, она твердо отстаивала бы настоящее время, пусть даже теперь ее пронзило щемящее чувство, что сердце только что перестало биться, а дыхание резко прекратилось, и, как ни глянь, вряд ли можно отрицать факт собственной смерти.

Никто из ее друзей пока не знает об этом. В такой ранний час они наверняка крепко спят, и каж-

дый из них пытается найти собственный путь из лабиринта снов. Лейла тоже очень хотела бы оказаться дома, под теплым одеялом и с котом, который примостился у ее ног, мурлыча в сонной неге. Она назвала его Мистером Чаплином в честь Чарли Чаплина, ибо он, как и герои первых кинофильмов, жил в своем собственном безмолвном мире.

Текила Лейла отдала бы все на свете, чтобы оказаться сейчас в своей квартире. Но вместо этого она была тут, где-то на окраине Стамбула, напротив темного и влажного футбольного поля, внутри металлического мусорного контейнера с ржавыми ручками и облупившейся краской. Это был передвижной контейнер высотой примерно четыре фута и шириной вполовину меньше. Рост самой Лейлы примерно пять футов семь дюймов, если не считать восьмидюймовые лиловые шпильки без задника, которые по-прежнему были у нее на ногах.

У Лейлы накопилась масса вопросов, в голове она продолжала прокручивать последние мгновения жизни, спрашивая себя, когда же все пошло прахом, — бесполезное упражнение, надо сказать, особенно имея в виду, что время не клубок пряжи и его нельзя размотать. Ее кожа приобретала уже серовато-белый оттенок, пусть даже в клетках все еще кипела жизнь. При всем желании Лейла не могла не заметить, что в ее органах и конечностях происходит множество процессов. Люди всегда считают, что труп полностью лишен сознания и никак не живет упавшего дерева или полого пня. Но если бы у Лейлы была малейшая возможность это сделать, она бы объявила, что, напротив, труп полон жизни.

Лейла никак не могла поверить, что с ее земным существованием покончено навсегда. Лишь

за день до этого она прошлась по району Пёра — ее тень скользила по улицам, названным в честь военных вождей и национальных героев, по улицам, носящим мужские имена. На этой неделе ее смех эхом отлетал от стен таверн с низкими потолками в Галате и Куртулуше и маленьких душных притонов в Топхане. Ни тех ни других вы не найдете в путеводителях и на туристических картах. Стамбул, известный Лейле, резко отличался от Стамбула, который стремилось показать иностранцам министерство туризма.

Прошлой ночью она оставила отпечатки пальцев на стакане для виски и следы своих духов — «Палома Пикассо», подарок от друзей на день рождения, — на шелковом шейном платке, который бросила на кровать незнакомого мужчины в люксе на верхнем этаже роскошного отеля. Высоко над головой в небе еще посверкивало серебро вчерашней луны, ясной и недостижимой, как отблеск какого-то счастливого воспоминания. Она все еще часть этого мира, и в ней до сих пор теплится жизнь, так как же ее может не быть? Как она могла уйти, словно сон, померкший с первым лучом дневного света? Ведь всего несколько часов назад она пела, курила, бранилась и думала... да и сейчас она все еще мыслит. Поразительно, что мозг по-прежнему работает в полную силу, хотя никто не знает, как долго это продлится. Как бы ей хотелось вернуться и объявить всем, что мертвые не умирают сразу, что на самом деле они способны размышлять о многом, включая собственную гибель! Люди испугались бы, узнав об этом, решила Лейла. Сама она точно испугалась бы, если бы была жива. Но ей чудилось, что сообщить об этом другим очень важно.

Лейле казалось, что человеческие существа слишком уж нетерпеливо относятся к важным этапам своей жизни. К примеру, они полагают, что автоматически становятся мужем и женой в тот момент, когда произносят: «Да!» Но на самом деле, чтобы стать супружеской парой, понадобится не один год. Похожим образом обстоят дела с материнским или отцовским инстинктом — общество ожидает, что он сработает, как только ребенок появится на свет. На самом же деле понять, что значит стать родителем или, раз уж на то пошло, бабушкой и дедушкой, удастся далеко не сразу. То же можно сказать о пенсии и пожилом возрасте. Получится ли немедленно переключить передачу, оказавшись вне офиса, где ты провел полжизни и профукал свои мечты? Вряд ли. Лейла знала одного учителя-пенсионера, который все равно каждое утро вставал в семь, принимал душ, садился завтракать и только после этого вспоминал, что ему уже не надо идти на работу. Он все никак не мог привыкнуть.

Возможно, и со смертью происходит так же. Люди считают, что ты стал трупом в тот самый момент, когда последний раз вдохнул и выдохнул. Но все далеко не так однозначно. Между угольно-черным и ослепительно-белым существует примерно столько же оттенков, сколько стадий у понятия «вечный покой». Если бы между царством жизни и царством загробной жизни существовала граница, решила Лейла, она была бы зыбкой, словно из песчаника.

Лейла ждала, когда взойдет солнце. Тогда наверняка кто-нибудь найдет ее и вытащит из этого грязного контейнера. Вряд ли властям понадобится много времени на установление личности. Им нужно лишь обнаружить ее досье. За все эти годы

ее обыскивали, фотографировали, снимали отпечатки пальцев и держали под стражей столько раз, что она уже сбилась со счета. В полицейских участках, расположенных на глухих улочках, даже запах царит особый — пепельницы, переполненные вчерашними окурками, кофейная гуща на дне чашек с обитыми краями, несвежее дыхание, влажные коврики и резкий запах мочи, который невозможно замаскировать никаким количеством моющих средств. Полицейские и преступники помещались в одних и тех же тесных комнатках. Лейлу всегда увлекала мысль о том, что мертвые клетки кожи полицейских и преступников падали на один и тот же пол и их пожирали одни и те же пылевые клещи — без всяких пристрастий и предпочтений. В известной степени противоположности не видны человеческому глазу и смешиваются друг с другом самыми невероятными способами.

Как только власти опознают ее, они оповестят семью — так думала Лейла. Ее родители живут в историческом городе Ване, за тысячу миль отсюда. Но она и не ждала, что они приедут и заберут ее мертвое тело, раз уж много лет назад отказались от нее живой.

Ты осрамила нас. Все судачат об этом за нашими спинами.

Так что полиции придется обратиться к ее друзьям. Ко всем пятерым: Саботажу Синану, Ностальгии Налан, Джамиле, Зейнаб-122 и Голливуд Хюмейре.

Текила Лейла не сомневалась, что ее друзья придут, как только смогут. Она живо представляла себе, как они помчатся к ней — сразу же, но с неохотой. Глаза их округлятся от ужаса и нарождающейся печали, они не сразу осознают, насколько

сильно горе, еще не пришло время. Лейла чувствовала себя скверно из-за того, что им придется пройти через весь этот ужас. Но приятно было сознавать, что они устроят ей великолепные похороны. Камфара и ладан. Музыка и цветы — особенно розы. Огненно-красные, ярко-желтые, темно-бордовые... Классические, всегда актуальные и непревзойденные. Тюльпаны слишком величественны, нарциссы чересчур нежны, а от лилий хочется чихать, зато розы идеальны — сочетание пылкой притягательности и остроты шипов.

Потихоньку занимался рассвет. Над горизонтом протянулись разноцветные разводы — персиковое беллини, мартини с апельсином, клубничная маргарита, ледяной негрони — полосы с востока на запад. Спустя всего несколько секунд призывы на молитву из окрестных мечетей огласили округу, и все они звучали вразнобой. Вдалеке Босфор, проснувшись от своего черепашьяго сна, мощно зевнул. Рыболовецкое судно, возвращавшееся в порт, дымно кашлянуло двигателем. Тяжелая волна лениво покатила к городскому берегу. Когда-то этот район был украшен оливковыми рощами и инжирными садами, однако все это сровняли с землей, чтобы освободить место очередным зданиям и парковкам. Где-то в полутьме залаяла собака — скорее из чувства долга, чем от волнения. Поблизости смело и громко защебетала птица, в ответ ей выдала трель другая, но уже не так радостно. Рассветный хор. Теперь до Лейлы донесся грохот автофургона по рябой дороге — он пересчитывал одну яму за другой. Скоро гул утреннего движения станет оглушительным. Жизнь в полную силу.

Когда она еще была жива, Текила Лейла всегда немного удивлялась и даже расстраивалась, если

люди с большим удовольствием и одержимостью рассуждали о конце света. Казалось бы, как человек в здравом уме может настолько верить в эти сумасшедшие сценарии: астероиды, метеориты и кометы, повергающие планету в хаос? По мнению Лейлы, апокалипсис далеко не самое страшное. Вероятность мгновенного и полного уничтожения цивилизации пугает вовсе не так сильно, как простое осознание, что кончина отдельного человека не имеет никакого влияния на окружающий мир и жизнь будет идти своим чередом — с нами или без нас. А вот это, как всегда казалось Лейле, действительно жутко.

Бриз изменил направление и подул в сторону футбольного поля. Тогда-то она и увидела их. Четверо мальчишек-подростков. Любители копаться в мусоре — ранние пташки, стремящиеся перерыть все барахло. Двое везли тележку, наполненную пластиковыми бутылками и смятыми банками. Еще один, ссутуленный и на полусогнутых ногах, тащился чуть позади — он волок запачканный мешок, в котором лежало нечто очень тяжелое. Четвертый, явно их предводитель, вышагивал впереди с нарочито важным видом, выпятив тощую грудь, — он походил на воинственного петуха. Они направлялись прямо к ней, подшучивая друг над другом.

Идите, идите.

Остановившись возле мусорного контейнера на другой стороне улицы, они принялись копаться в нем. Бутылки от шампуня, пачки от сока, вапночки от йогуртов, коробки от яиц... Каждое сокровище вытаскивалось наружу и укладывалось в тележку. Их движения были проворными и уме-

лыми. Один нашел старую кожаную шляпу. Рассмеявшись, он надел ее на голову и, засунув руки в карманы, прошелся преувеличенно паглой и важной походкой. Видимо, подражая какому-нибудь гангстеру из кинофильма. И вдруг предводитель выхватил у него шляпу и нацепил ее себе на голову. Никто не возразил. Забрав из мусора все, что можно было, они приготовились уходить. К ужасу Лейлы, они, казалось, повернули назад, направились в противоположную сторону.

Эй, я тут!

Словно услышав мольбу Лейлы, предводитель медленно задрал подбородок вверх и, прищурившись, поглядел на рассветное солнце. Он посмотрел на меняющийся цвет горизонт — его взгляд блуждал туда-сюда, пока наконец не заметил ее. Его брови дернулись вверх, а губы слегка задрожали.

Прошу, не убегай.

Он не убежал. А вместо этого сказал остальным что-то неразличимое, и теперь те тоже глазели на нее с такими же потрясенными лицами. Она вдруг поняла, насколько они молоды. Совсем еще дети, всего-навсего сопляки — мальчишки, воображающие себя мужчинами.

Предводитель сделал малюсенький шаг вперед. Затем еще один. Он шел к ней, словно мышонок к упавшему яблоку, — пугливо и застенчиво, но в то же время решительно и быстро. Его лицо потемнело, когда он приблизился и понял, в каком положении она оказалась.

Не бойся.

Он уже был рядом с ней, так близко, что Лейла могла различить белки его глаз — покрасневшие, с желтоватыми пятнами. Было ясно, что он нюхает

клей — этот мальчик, которому нет еще и пятнадцати. Стамбул наверняка сделает вид, что принял и поселил его у себя, а потом, когда парень едва ли будет ожидать подвоха, отбросит в сторону, словно старую тряпичную куклу.

Позвони в полицию, сынок. Позвони в полицию, чтобы они сообщили моим друзьям.

Мальчишка посмотрел налево и направо, чтобы убедиться: никто не смотрит и камер наблюдения поблизости нет. Качнувшись вперед, он потянулся к ожерелью Лейлы — золотому медальону с крошечным изумрудом посередине. Осторожно, словно опасаясь, что она взорвется в его ладони, парень дотронулся до подвески и ощутил приятную прохладу металла. Он открыл медальон. Внутри обнаружилась фотография. Достав ее, он некоторое время разглядывал изображение. Он узнал на ней эту женщину — вернее, более юное ее изображение — и увидел зеленоглазого мужчину с нежной улыбкой и длинными волосами, уложенными по старой моде. Они казались такими счастливыми, влюбленными.

На задней стороне фотографии было подписано: «Д/Али и я... Весна 1976 г.»

Предводитель быстро сдернул подвеску и сунул добычу в карман. Если все прочие, молча стоявшие позади него, были в курсе его поступка, видимо, он решил не обращать на это никакого внимания. Пусть они были юнцами, однако у них хватало опыта жизни в этом городе, чтобы понимать, когда стоит быть умными, а когда имеет смысл прикинуться дурачками.

Только один из них шагнул вперед и осмелился спросить, понизив при этом голос до шепота:

— Она... она жива?

— Не смеши меня, — ответил предводитель. — Она не живет вареной утки.

— Бедная женщина. Кто она?

Наклонив голову набок, предводитель оглядел Лейлу так, словно узрел ее впервые. Окинув ее взглядом с ног до головы, он расплылся в улыбке, которая залила его лицо, словно опрокинутые чернила — страницу.

— Ты чё, не видишь, придурок? Это шлюха.

— Ты думаешь? — серьезным тоном спросил другой мальчишка, чересчур робкий и невинный, чтобы повторить это слово.

— Да я это знаю, идиот! — Тут предводитель встал вполоборота ко всей группе и сказал громко и многозначительно: — Эта новость будет во всех газетах. И на всех телеканалах! Мы прославимся! Когда сюда придут журналисты, говорить с ними буду я, понятно?

Вдалеке какая-то машина, газанув, помчалась на полном ходу к шоссе и слегка забуксовала на повороте. На ветру выхлопные газы соединились с колким привкусом соли. Даже в столь ранний час, когда солнечный свет только начал золотить минареты, крыши и верхушки иудиных деревьев, люди в этом городе уже куда-то спешили и куда-то опаздывали.

Часть
первая

РАЗУМ

Одна минута

В первую минуту после смерти сознание Текилы Лейлы пошло на убыль медленно и верно, словно отлив, уходящий от берега. Клетки мозга, в которые больше не поступала кровь, были теперь совершенно лишены кислорода. Однако работу они не прекратили. Пока не прекратили. Последний запас энергии привел в действие бесчисленные нейроны, соединив их, словно в первый раз. Пусть сердце перестало биться, мозг все еще сопротивлялся, готовясь сражаться до конца. Он впал в состояние повышенного внимания: наблюдая за кончиной организма, он не торопился смириться с собственной гибелью. Память рванула вперед, пылко и настойчиво, собирая кусочки жизни, клонившейся к завершению. Лейла припомнила то, что, как ей казалось, и запомнить-то было невозможно, вещи, которые, как она считала, утрачены навсегда. Время приняло жидкую форму и превратилось в быстрый поток воспоминаний, перетекающих из одного в другое, — прошлое и настоящее стали неразделимы.

Первое воспоминание, затронувшее ее разум, было о соли — об ощущении, которое вызывало ее соприкосновение с кожей и ее вкус на языке.

Она увидела себя младенцем — голенькая, лоснящаяся и красная. Всего несколько секунд назад она покинула утробу матери и, охваченная со-

вершено новым для себя страхом, скользнула во влажный склизкий канал. Теперь она оказалась в комнате, полной звуков, цветовых оттенков и совершенно неизвестных вещей. Солнечный свет, проникавший сквозь витражные стекла окон, неравномерно окрашивал стеганое одеяло на кровати и отражался в воде, налитой в фарфоровую чашу, и все это — несмотря на прохладный январский день. В эту самую воду пожилая женщина в одежде, оттенками напоминавшей осеннюю листву, — повитуха — опустила полотенце, а затем выжала его, и с ее запястья закапала кровь.

— *Машалла, машалла!* Как прекрасно! Это девочка.

Повитуха вынула кусок кремня, припрятанный у нее в лифчике, и перерезала им пуповину. Она никогда не использовала для этих целей нож или ножницы, считая их холодную рациональность совершенно не подходящей для ее хлопотного дела — приветствия младенца в этом мире. Старушку очень уважали в округе и считали за все ее чудачества и затворничество личностью загадочной, имеющей две стороны — земную и неземную; словно подброшенная в воздух монета, она могла в любой момент показать одно из двух своих лиц.

— Девочка, — вторила ей молодая мать, лежавшая на кованой кровати с четырьмя столбиками; ее каштаново-русые волосы сбились в ком от пота, а во рту было сухо, словно туда насыпали песка.

Женщина очень волновалась, что так и будет. В начале месяца она вышла на прогулку в сад и стала искать паутину на верхних ветвях деревьев, а когда нашла, осторожно просунула в нее палец. Спустя несколько дней она проверила это место. Если бы паук залатал прореху, значит ребен-

нок — мальчик. Однако паутина так и осталась дырявой.

Молодую женщину звали Бинназ — «тысяча обольщений». Ей было девятнадцать лет, хотя в этом году она чувствовала себя куда старше. У нее были полные губы, изящный вздернутый нос, который в этой части страны считался большой редкостью, вытянутое лицо с заостренным подбородком и большие темные глаза, испещренные синими крапинками, словно яйца скворца. Она всегда была стройной, хрупкого телосложения, но сейчас, в рыжевато-коричневой льняной почной рубашке, выглядела совсем уж тоненькой. У нее на щеках было несколько едва заметных шрамов от оспы. Однажды ее мама сказала: это признак того, что во сне девочку ласкал лунный свет. Она скучала по своим маме, отцу и девяти братьям и сестрам, которые жили в деревеньке в нескольких часах езды отсюда. Семья ее была очень бедна — об этом ей частенько напоминали с того самого момента, как она молодой невестой вошла в этот дом.

Будь благодарна. Когда ты приехала сюда, у тебя ничего не было.

И до сих пор ничего нет, то и дело думала Бинназ: ее имущество было так же эфемерно и беспочвенно, как семена одуванчика. Поднимись сильный ветер с моря или разразись проливной дождь — и нет семян, ничего нет. Словно камень у нее на душе лежало подозрение, что из этого дома ее могут выкинуть в любой момент. И куда ей идти, если это произойдет? Отец никогда не примет ее назад — с таким-то количеством ртов у него в доме! Ей придется снова выходить замуж, но нет никакой гарантии, что следующий брак станет счастливее, а но-

Шафак Э.

Ш 30 10 минут 38 секунд в этом странном мире : роман / Элиф Шафак ; пер. с англ. О. Лютовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 416 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-20856-8

Текила Лейла была убита. Ее сердце уже перестало биться, но в течение 10 минут 38 секунд ее мозг все еще активен. И за эти краткие минуты Лейла вспоминает свою жизнь и друзей, таких же изгоев, как она.

Ее детство прошло в провинции в глубоко религиозной семье с деспотичным отцом, слепо следующим законам Корана. Не выдержав диктата отца, Лейла убегает из дому в Стамбул, где оказывается втянутой в секс-индустрию. Несмотря на жестокость, царящую в мире торговли женским телом, Лейле придется через многое пройти и многое вынести, но ей удастся сохранить главное — свою душевную чистоту...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭЛИФ ШАФАК

10 МИНУТ 38 СЕКУНД
В ЭТОМ СТРАННОМ МИРЕ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Редактор Алла Косакова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Светлана Федорова, Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.02.2022. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 18,33.

Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

H-MBB-29771-01-R